

Книга и ТВ: грани полемики, области конкуренции

Сколько пишущих машинок и компьютерных клавиатур сломали специалисты разных областей знаний и профессиональных умений, обсуждая проблему отношений книги и ТВ. Проблем накопилось множество, статей, преисполненных негодования в адрес ТВ набралось несметное количество, при этом очередной обличитель обольщается мыслью предшественников, что сейчас в этой публикации, исполненной праведного гнева, окончательно разрушится иллюзия очарования ТВ, и будет аргументировано доказано: ТВ – самое худшее, что есть, самодельное и безвкусное, порочный глянцевый рай, который следует спешно покинуть и припасть к животворящим истокам книги. Обольщение, следует отметить, не единичное, мысль не революционная и несущая в себе не меньшую опасность, чем зло, приписываемое ТВ.

Гуманитарная общественность полемизирует по широчайшему спектру вопросов, исповедует самые противоречивые идеи, находит точки схождения в пределах часто несуразных и давно устаревших доктрин, но при этом любые слова защиты в адрес ТВ мобилизуют единодушное негодование и новую волну разоблачительного пафоса. С массовым распространением ТВ защита книги – тот самый продукт, на котором создаются социальные и культурные репутации.

Защитники книги предлагают выставить санитарный кордон перед ТВ. Доказательства строятся по принципу - один факт, другой, третий: духовность книги, труд и гений, вложенный в ее написание, древняя история книги, ее привычность и т.д. Адепты словесности угрюмо пророчат невеселый проект будущего, из которого окончательно уйдет живительное печатное слово. При всей помпезности и раздутости бюджета обвинений в адрес ТВ, они весьма тщедушны по качеству идей и аргументов.

Не стоит цитировать записных критиков ТВ, пусть прозвучит проникновенное, обобщающее слово Ф.Феллини: «Телевидение апеллирует к вам и к тем, кто с вами рядом, не заботясь о том, кстати это или некстати, склонны вы прислушиваться к нему или нет, апеллирует, когда вы даже не подозреваете о его существовании. Вываливает на зрителей поток псевдоценностей и сальных сентенций, пока те говорят по телефону, выясняют отношения друг с другом, молча поглощают пищу. Пожалуй, лучший способ переваривать его стряпню – спать, не выключив телевизора.

Мне думается, эта всепроникающая мощь телевидения, отягощенного коммерческим интересом, чревата прямой угрозой для поколения, с видимой охотой уступающего ему собственную способность мыслить и воспитывать своих детей».

Телевизор избавил нас от потребности разговаривать друг с другом. Он может избавить нас и от потребности думать – иными словами, вести тот неслышный разговор, какой каждый из нас ведет в собственном мозгу. Очередная область его вторжения – наши сны. Ведь и пока спим, мы вполне можем стать участниками какой-нибудь телеигры и даже, не просыпаясь, выиграть холодильник. Беда лишь в том, что поутру он растает вместе со всем содержимым».

Критики ТВ, рассуждая о писателе, обычно подразумевают, что, когда художник брался за перо, им руководили самые опрятные настроения и гуманные мысли, направленные на воспитание некоей отборной читательской аудитории, нуждающейся в слове праведника. Когда же речь заходит о тележурналистах или рекламистах, ниспровергатели ТВ почему-то убеждены, что труженики эфира ориентируются умственно отсталую «домохозяйку моложе пятидесяти». Апологеты ТВ упрекают своих противников в том, что те занимают удобную архаическую позицию, родственную противникам технического прогресса в 19 веке, которые, поэтизируя лошадку, не желали признавать, что человек въедет в будущее не в потертом седле, а на пыхтящем механизме.

Ассортимент упреков ТВ велик: ТВ информация вытесняет и выхолащивает знания; классический приоритет книги нарушен; ТВ ориентирована на развлечение и порождает зависимость; на ТВ работают люди, часто не имеющие специального образования. Как всегда к месту звучит ирония Натали Сарро: «Телевидение подняло производство банальности из сферы ручного ремесла на уровень крупной индустрии».

При этом возникает парадокс логики: критика ТВ не подразумевает жест его отторжения. Как правило, все самые страстные защитники книги стремятся на ТВ, отчасти руководствуясь ерническим принципом Ноуэла Коварда: «ТВ существует для того, чтобы выступать по нему, а не для того, чтобы его смотреть».

Потенциал проекта «Радикальная защита книги и категоричная критика ТВ» давно исчерпан, однако серьезная философская проблема «ТВ и книга» по инерции решается с помощью зычного голоса осуждения, озвучивающего козырные карты хрестоматийных цитат. Основными критериями оценки ситуации и способами организации аргументов против ТВ становятся отсылки к авторитету Гете или Толстого, очень симпатично высказавшихся по поводу книги. Далее идут апелляции к антиутопиям Оруэлла и Бредбери, чья очевидная громкость обвинительных заявлений, по мысли апологетов книги, едва ли требует новых доказательств.

В результате любая попытка придать идеям живительности книги добротное философское качество превращается в какую-то ностальгически-

сентиментальную калинку-малинку из усталых мыслей и омертвелых идей, многим из которых исполнилось более двадцати пяти веков, когда и книги-то самой еще не существовало.

Любое обсуждение предполагает диалог, как формат речи, создающий культурную среду для спора, для оттачивания формулировок, подбора равноценных аргументов, спокойной полемики и равноправной дискуссии.

Как нельзя кстати придется цитата и Мао Цзэдуна: «Если дует сильный ветер, можно строить стены, а можно – ветряные мельницы». Ветер философских проблем, исходящий от ТВ, настолько сильный, что интеллектуально оправданнее строить мельницы размышлений, чем кидаться обломками стен.

В контексте обозначенной темы конфликта книги и ТВ чрезвычайно важно отойти от грустных размышлений о судьбах литературы в век ТВ и раздвинуть границы полемического поля до попытки спокойного выяснения места книги и ТВ в современную эпоху.

Ведомственных, профессиональных, искренних защитников книги наберется много. Библиофилов, которые мечтают, чтобы их похоронили с любимой книгой, но их останавливает то, что «было бы жестоко лишать мир столь редкостного произведения», тоже достаточно. У противников книги найдется с полдюжины доказательств недостатков печатного издания.

Первый довод весьма актуален, так как продиктован модной заботой об экологии: «Пустая трата деревьев. Дурацкие, некрасивые, неуклюжие, тяжелые штуковины. Чем скорее техника отыщет им надлежащую замену, тем лучше».

Второй резон - критика сакрализации и фетишизации книги: «Книги – это не святые реликвии. Слова могут быть моей религией. Но, когда дело доходит до богослужения, я предпочитаю церковь самую низкую. Храмы и кумиры мне не интересны. Суеверное идолопоклонство, присущее буржуазной одержимости книгами, досаждаст мне до чрезвычайности».

Третий аргумент связан с издержками заботы о книге: «Подумайте, сколько детей забросило чтение лишь потому, что какой-то ханжа выбрал их за слишком небрежно перевернутую страницу».

Четвертый мотив – намеренное неразличение вещи и ее сути: «Мир полон людей, любящих повторять, что к книгам «следует относиться с уважением». Но говорил ли нам кто-нибудь, что с уважением следует относиться к *словам*? На с ранних лет учат почитать лишь внешнее и видимое. Совершенно жуткие литературные типы бормочут нечто бессвязное

о книгах как об «объектах»... Однако книга – это всего лишь продукт технологии».

Пятое: критика коллекционеров: «Если людям нравится собирать их и платить за ту или иную немалые деньги – тем лучше. Пусть они только не притворяются, что это призвание более высокое и разумное, чем коллекционирование табакерок или картинок из упаковок жевательной резинки».

Финальный выпад против книги может трактоваться не в качестве критики, а как утверждение ее универсального применения: «Я могу читать книгу, могу использовать ее в качестве пепельницы, пресс-папье, дверного стопора или даже орудия, которое можно метнуть в глупого юнца, отпустившего бессмысленное замечание...»⁴⁰

Инвективы в адрес книги исчерпать очень сложно. К прозвучавшим можно присовокупить следующие: подача материала в книге неадекватна способности демократического читателя воспринимать ее содержание; книги, созданные в эпохи имперской мощи и стабильности, опасны для здоровья, психики и самоидентификации читателя, приписанного судьбою к переломным временам; книга не то что не спасает от одиночества, напротив, она культивирует отчуждение человека и т.д.

Безусловно, акты защиты или осуждения чего-либо – книги или ТВ – не обходятся без казусов, слишком высок градус полемики. Видимо, потребно выстроить типологию взвешенных упреков и посмотреть, насколько они отражают суть проблемы.